

А. А. Гунтуц

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)*

ХИМИПЕТЪ МСТИСЛАВОВА ЕВАНГЕЛИЯ И ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ*

Грецизм *химипеть*, которым в одной из записей Мстиславова евангелия (1103–1117 гг.) обозначаются перегородчатые эмали, изготовленные в Константинополе для драгоценного оклада рукописи, является, как было установлено еще в XIX в., передачей греч. χιμειτόν. Трудность для объяснения представляет гласный *e*, появившийся в этом слове уже на славянской почве. Чередование с нулем звука, выступающим в форме Тв. ед. *хиниптомъ* в Ипатьевской летописи, проще всего объясняется из исходного *химипьтъ*, с неорганическим редуцированным, проявившимся в сильной и утраченным в слабой позиции. Этому препятствует, казалось бы, слишком ранняя дата рукописи. Между тем оказывается, что в самой записи Наслава этот пример фиксируется на фоне еще четырех случаев проявления сильного *ь*. В оригинальном древнерусском тексте, каким является запись, такое положение дел не может объясняться следованием инославянской норме, тем более что слово *химипьтъ* было заимствовано из греческого устным путем и в книжных текстах южнославянского происхождения отсутствовало. Запись Наслава оказывается, таким образом, наиболее ранним памятником, засвидетельствовавшим начало процесса проявления сильных редуцированных в живой восточнославянской речи.

Ключевые слова: Мстиславово евангелие, древнерусский язык, орфография, фонетика, падение редуцированных.

Исследователям ранней рукописной книжности Древней Руси хорошо знакома запись Наслава в Мстиславовом евангелии 1103–1117 гг., читаемая на последнем, 213-м листе знаменитого манускрипта. Приближенный заказчика рукописи — новгородского князя Мстислава Владимировича, Наслав, по написанию кодекса,

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

возил его в Константинополь для устройства драгоценного оклада. В описании этой поездки и употреблено слово **химипетъ** (В. ед., в сочетании **оучинихъ химипетъ**), которым обозначаются перегородчатые эмали, до сих пор украшающие переплет. Правильное объяснение данного термина было одновременно предложено К. И. Невоструевым [1860: 75–78] и Г. Д. Филимоновым [1861: 15]. Оба исследователя связали его с греч. *χρυσός* (производным от *χέω* ‘расплавляю’, откуда и *химия*) и, с другой стороны, с позднейшим русским *финифть*. Был указан также еще один вариант передачи греческого этимона — *финиптъ*, представленный в Ипатьевской летописи (дважды в Киевской летописи — под 1175 и 1180 гг. и трижды в Вольнской — под 1286 г.). «Вот постепенное словообразование, — писал К. И. Невоструев, — **химивтъ** → Наславово **химипетъ** → древнее **финиптъ** → доселе употребляемое *финифть*» [Невоструев 1997: 22]. Семантические и фонетические детали этого заимствования обсуждались В. В. Калугиным [1987] и уточнены А. А. Пичхадзе [2003]; последней, в частности, показано, что *n* в **химипетъ** явилось как замена *ϕ*, возникшего еще в среднегреческом, где сочетание *εφτ* читалось как [*eft*], а также приведена точная параллель — передача греч. *προέλευσις* ‘победное шествие’ в виде **проелиписиъ** в древнерусском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Комментируя трансформации, которым подверглись согласные заимствованного слова, исследователи до сих пор не задавались вопросом: откуда в **химипетъ** возник гласный *e*? Понятно, что мы имеем дело с вокалической вставкой, сделанной для устранения противоречащего принципу восходящей звучности сочетания [pt]. Но почему именно *e*? Сопоставление с формой Тв. ед., фигурирующей в Ипатьевской летописи (**финиптомъ** 1175, 581: 19, **химиптомъ** 1180, 617: 21 (х исправлено из *ϕ*), **финипто(м)** 1286, 926: 7, 20, **финипт(м)** 1286, 926: 23), дает, казалось бы, самый простой ответ на этот вопрос: перед нами рефлексы неорганического редуцированного, который проявляется в сильной позиции (**химипьтъ** → **химипетъ**) и утрачивается в слабой (**финипьтъмь** → **финиптомъ**). Ближайшую аналогию представляет название Египта (*Αἴγυπτος*), в котором неорганический *ь* появляется в том же фонетическом окружении и ведет себя совершенно так же: **егүпътъ** / **егүпъта** → **егүпетъ** / **егүпта**.

Тем не менее формы **химипетъ** и **финиптомъ** не рассматриваются в литературе как связанные регулярным фонетическим соотношением. И. И. Срезневский, в чьем словаре леммы даются в раннедревнерусском виде, поместил соответствующий материал в статьях **химипетъ** и **финиптъ**, воздержавшись от реконструкции исходных форм с *ь* [Срезневский III: 1356, 1368]. Причину такой осторожности можно понять: в кодексе начала XII в., каким является Мстиславово евангелие, ожидать пояснения сильного редуцированного не приходится. Авторы разделенных более чем столетием специальных исследований, посвященных орфографии памятника, сообщают, что случаи перехода *ь* в *o* и *ь* в *e* в сильных позициях в рукописи отсутствуют [Карский 1895/1962: 17; Федорова 2015: 172].

С тем большим удивлением мы обнаруживаем целых четыре таких примера... в самой записи Наслава! То, что они до сих пор не обращали на себя внимания,

по-видимому, неслучайно. Исследования языка Мстиславова евангелия традиционно фокусировались на самом евангельском тексте¹, тогда как выходные записи кодекса привлекали в основном внимание историков книги. Единственная лингвистическая работа, специально посвященная записи Наслава [Калугин 1987], рассматривает ее в плане исторической лексикологии; с фонетической же точки зрения текст оказался совершенно не востребован исторической русистикой. Между тем в данном отношении он представляет первостепенный интерес.

Приведем полностью текст записи по изданию под редакцией Л. П. Жуковской [1983: 289, рис. 4], отметив одинарным и двойным подчеркиванием слабые и сильные позиции редуцированных (за исключением конечных):

Азъ рабъ бжнн недостоннъи хоудъи грѣ-
шнъи . съпъсахъ пама^ти дѣла . црж
нашемуу и аждѣмъ о съконъчанъи еѣа(ѣ) .
кже башеть казалъ мѣстиславъ къ-
назъ хоудомоу наславоу . и возивъ
црюгороду и оучини^хъ химипеть . бжн-
ню же волею възврати^хъ сѣ исъ црл.-
города . исъправи^хъ² въсе злато и сре-
бро и драгъи камень . пришедъ кък-
воу . и съконъчасѣ въсе дѣло . м(ѣ)ца авгѣ-
ста . въ .к. цѣноу же евангелнѣ сего
кдинъ бѣ вѣдак³ азъ же хоу-

¹ Это специально оговорено в статье М. А. Федоровой, тогда как Е. Ф. Карский, цитирующий в своей работе материал записей, в данном случае просто не учел его.

² В издании словоделение иное: *и съправи^хъ*. В. В. Калугин трактует *съправити* как специальный термин книжного дела [Калугин 1987: 114–115]. Однако в текстах древнерусского времени данный глагол отсутствует. В значении ‘исполнить, осуществить, совершить что-л. намеченное’ он фиксируется лишь начиная с XVII в. и, скорее всего, представляет собой полонизм (см. [СРЯ XI–XVII, 27: 82]). Альтернатива, предложенная К. И. Невоструевым, дает между тем удолнительный смысл, выраженный стандартным для своего времени образом.

³ Между этим и следующим словом вытерто, по оценке издателей, 8 букв. Поскольку в остальном текст написан без единой пометки, маловероятно, чтобы таким образом Наслав исправил простую опisku; скорее мы имеем дело с редактурой, устранившей слово или слова, показавшиеся самому писцу (или тому, кто прочел его запись) неуместными. Рискнем предположить, что вымараны были слова *и къназъ* (с разделительной точкой в конце). Формула *Богъ и Х* известна по множеству древнерусских текстов, в том числе и в сочетании *вѣдаеть Богъ и Х*; ср. в Ипатьевской летописи под 1288 г.: *Бѣ вѣдаеть и ты, како ти есмь служиль со всею правдою своею*; ср. там же под 1172 г.: *Бѣ посадилъ та и князь Андръи на вѣнѣ своси и на дѣдинѣ въ Киевѣ* [ПСРЛ 2: 555]. Наличие при *Богъ* определения *единъ* не препятствует такой реконструкции; ср. параллель в тексте, хотя и относящемся к иной эпохе, но использующем ту же этикетную формулу: *упование мое един Бог и ты, мой премилостивейший* (Письмо А. Винуса Петру I 1699 г. [ПБИБВ 1: 765]). Реконструируемый исходный вид фразы: *цѣноу же евангелнѣ сего кдинъ бѣ вѣдак (и къназъ)*, как кажется, хорошо вписывается в контекст панегирика заказчику кодекса. Можно понять и редактора, устранившего упоминание князя как слишком «заземляющее» пафос высказывания.

дѣи наславѣ . много троудѣ подѣлахѣ
и печали . нѣ бѣ оутѣши ма добрааго къ-
наза мѣтвоею . и тако даи бѣтъ въсѣмъ
людѣмъ оугодна кмоу творити . слы-
шащемъ кго ц(с)рствик пребывающе
въ радости и въ веселии и въ любѣви .
и даи бѣ кго мѣтвоеу въсѣмъ хрѣсти-
яномъ и мѣнѣ хоудомоу наславоу .
правши кго оруднѣ въ правѣдоу .
обрѣсти честь и милость ѡ(т) ба и ѡ(т) сво-
кго ц(с)ра и ѡ(т) братик . вѣроюще въ
сѣоу тріцу оца и сѣа и сѣго дха нѣна
и присно и въ вѣкы вѣкомъ аминѣ .

Как можно видеть, из шести словоформ, в которых этимологический редуцированный находится в сильной позиции, он сохраняется лишь в двух: **сѣпѣсахѣ** и **хрѣсти|яномъ**⁴; в остальных четырех случаях выступает гласный полного образования: **лѣдемъ**, **пришѣдѣ**, **людѣмъ**, **честь**. На таком фоне **химипетѣ** предстает как один из примеров систематического для данного текста прояснения сильных еров, и ничто не мешает объяснять его соотношение с формой **финиптомъ** указанным выше способом.

В высшей степени примечательно, что прояснение сильного ь происходит в записи **Наслава** на фоне последовательного сохранения редуцированных в слабой позиции. Не считая позиции на конце слова и в предлоге *въ*, слабые еры сохраняются в 17 случаях из 18 (9 раз в корне, 5 — в суффиксе, 3 — в приставке); единственный пропуск приходится на корень *мьног-*, написание которого без ь может быть орфографической условностью.

Как совместить такую картину с традиционным представлением, согласно которому утрата слабых редуцированных предшествовала прояснению сильных? Это представление опирается на динамику отражения двух процессов в памятниках письменности и в целом заслуживает доверия. В то время как фонетически показательные случаи пропуска слабых еров нередки уже в рукописях первой половины XII в., надежные примеры вокализации сильных до сих приводились лишь из рукописей второй половины столетия. Хрестоматийным источником примеров служит **Добрилово евангелие** 1164 г. Характерно, впрочем, что этот памятник одновременно свидетельствует о полной завершенности процесса в диалекте писца: последовательность, с которой он употребляет *о* и *е* в соответствии с сильными ь и ѣ, приближается к 100% [Малкова 1967]. Это заставляет относить начало прояснения сильных еров к значительно более раннему времени.

⁴ Рассматривать данную позицию как сильную можно, поскольку *ij* в этом слове трактовалось как *vj*, с напряженным редуцированным в слабой позиции, который впоследствии выпадал (*крестьяне*).

Наиболее прямолинейным объяснением картины, наблюдаемой в записи Наслава, было бы признать, в духе концепции Г. А. Хабургаева [Хабургаев1976], что в живой речи писавшего редуцированные как самостоятельные фонемы уже отсутствовали и что, последовательно сохраняя *ъ* и *ь* в слабых позициях, Наслав следовал выученным им орфографическим (опирающимся на морфологическую информацию) правилам. О том, что правописание еров в этом тексте действительно включает в себе элемент искусственности, говорят написания *нсъ црѣл. |города* и *нсъправнхъ*, в которых неэтимологические *ъ* естественно трактовать как реакцию на утрату редуцированных на конце приставок и предлогов. Непонятно, однако, почему Наслав, с такой тщательностью соблюдая правила, регламентировавшие употребление слабых еров, и даже переборщив с этим, столь решительно разошелся с традицией, довольно последовательно отразив совершившееся в его речи прояснение сильных редуцированных. С другой стороны, значительно выросший за последние тридцать лет материал берестяных грамот XI — начала XII в. показывает, что позиция Г. А. Хабургаева в данном вопросе была излишне радикальной. В настоящее время никто, кажется, не сомневается в том, что редуцированные фонемы были присущи живой восточнославянской речи древнейшей письменной эпохи.

Оценивая с этих позиций состояние редуцированных в записи Наслава, нужно оговорить, что для рукописей своего времени оно не уникально. Многочисленные примеры прояснения сильных еров на фоне последовательного сохранения слабых М. Б. Попов [Попов 1982: 24–25; 2004: 252–253] отмечает в Толстовской псалтыри (РНБ, Ф.п.1.23), датируемой им первой половиной XII в. (обычно этот кодекс датируется концом XI — началом XII в. [СК XI–XIII: 86])⁵. Сходная картина, с еще более последовательным сохранением слабых *ъ* и *ь*, наблюдается в Евгениевской псалтыри XI в. [Гринкова 1924: 302]. Правда, в интерпретации этих фактов исследователи расходятся: Н. П. Гринкова рассматривала прояснение еров в Евгениевской псалтыри как наследие южнославянского протографа, тогда как М. Б. Попов аналогичные написания в Толстовской псалтыри склонен трактовать как отражение живой речи писца, с чем, по-видимому, связана и предлагаемая им более поздняя дата рукописи.

Тот факт, что оба кодекса с «загадочным» (по определению М. Б. Попова) соотношением сильных и слабых еров содержат один и тот же текст Псалтыри с толкованиями Афанасия Александрийского, склоняет в пользу объяснения Н. П. Гринковой: по всей вероятности, написания с прояснившимися редуцированными действительно восходят к западноболгарскому протографу этих рукописей. Последовательность обозначения в них слабых редуцированных может объясняться действием восточнославянского орфографического «фильтра», отсеявшего имевшиеся в протографе пропуски слабых еров как фонетически неприемлемые.

К оригинальному тексту записи Наслава такое объяснение неприложимо. Если написания *пришедъ, людемъ, честь* Наслав еще мог встречать в книгах, которые

⁵ Благодарю Г. А. Молькова за указание на этот факт.

ему доводилось читать и переписывать, то **химипетъ** в них точно отсутствовал: в древнерусский язык слово было явно заимствовано из греческого устным путем. Существенно также, что у Наслава сильный **ь** проясняется намного более последовательно, чем в Толстовской и Евгениевской псалтырях, — такое соотношение между текстами, переписанными и созданными на Руси, наблюдается лишь в передаче черт живой восточнославянской речи.

Имеет смысл поэтому видеть в записи Наслава свидетельство уже начавшегося на восточнославянской территории прояснения сильных еров. Поскольку этот процесс носил компенсаторный характер, импульсом к его осуществлению могла стать не окончательная утрата слабых редуцированных, но само их фонетическое размежевание в сильных и слабых позициях. Такая интерпретация согласовывалась бы с предположением С. Л. Николаева [Николаев 1996: 210], согласно которому возмездительное удлинение **o* и **e* в слогах перед слабыми редуцированными также происходило раньше утраты последних. Сформулированное на основе диалектных данных, это предположение подтверждается обнаруженными в самое последнее время примерами «нового **ѣ**» в памятниках, созданных не позже начала XII в. и в целом последовательно сохраняющих слабые еры: Бычковско-Синайской псалтыри (где таких написаний всего два) и Учительном Евангелии Константина Болгарского (где они представлены в большем количестве) [Кривко 2015: 47–54]⁶. Раннюю вокализацию сильных редуцированных в записи Наслава можно трактовать как явление того же порядка: она может отражать не окончательное отождествление сильных **ъ** и **ь** с *o* и *e*, но их фонетическое сближение с этими гласными в слогах перед еще сохранявшимися слабыми ерами. Это переходное состояние могло по-разному отображаться на письме — в зависимости от консервативности или же, наоборот, инновационности установки конкретного писца (о множественности таких установок и обусловленном ею разнообразии орфографических практик, сосуществовавших в один исторический период, см. [Живов 2013: 37]). Наслав явно принадлежал к числу «модернизаторов». Это проявилось не только в трактовке им сильных еров, но и в уже упомянутых написаниях **нсъ црѣ. | города и нсъправнѣхъ**, совершенно нехарактерных для большинства восточнославянских рукописей XI — начала XII в.

Стоит обратить внимание и на следующее обстоятельство. Все пять случаев прояснения сильного **ь** в записи Наслава приходятся на предпоследний (по раннедревнерусскому счету) слог, тогда как в двух случаях, где сильный редуцированный занимает иное положение в слове, он сохраняется: **сѣпъсахъ, хрѣсти | ѣномъ**. Такое распределение можно сопоставить с данными, указывающими на то, что процесс утраты слабых редуцированных начался с конца слова. Самым ярким свидетельством этого является берестяная грамота № 644, в которой, при последовательном сохранении срединных слабых еров, дважды отражается отверждение [м'] в конечном **мь*, что могло произойти только после утраты конечных редуцированных

⁶ Отражение «нового **ѣ**» и «о закрытого» просматривается и в необычайно усложненной графической системе Суздальского змеевика, в котором все слабые редуцированные сохраняются [Гиппиус, Зализняк 1997: 552].

[Зализняк 2004: 267]. Сходную картину отражают и некоторые книжные памятники XII в., в частности Стихирарь, ГИМ, Син. 279 [Живов 2013: 36]. Если прояснение сильных еров шло по следам постепенной утраты слабых, то в языке новгородки Нежки, писавшей грамоту №644 (перв. четв. XII в.), они должны были проясниться в предпоследнем слоге и сохраняться в остальных позициях. Именно это мы и видим в записи Наслава, чьей современницей была Нежка. Впечатление прояснения сильных еров на фоне сохранения слабых, производимое этим текстом, может быть и абберацией, вызванной тем, что утрата конечных редуцированных, за редкими исключениями, не находила отражения на письме.

При всей соблазнительности такой трактовки настаивать на ней не приходится — как ввиду малочисленности примеров, так и потому, что, судя по тем же написаниям *нсть цѣмъ | города* и *нсть правихъ*, слабые редуцированные могли утрачиваться в языке Наслава не только на конце фонетического слова, но и в других позициях.

Как бы то ни было, запись Наслава представляет собой древнейший датированный восточнославянский текст, в языке которого находит систематическое отражение прояснение сильных редуцированных. Как и Добрилово евангелие с его почти стопроцентным прояснением сильных еров, ее нельзя признать памятником, характерным для своего времени по данному параметру [Живов 2013: 35]. Но именно такие «нехарактерные» тексты задают опорные вехи хронологии процесса. Кодекс Добрила 1164 г. обозначает момент, к которому прояснение сильных редуцированных на восточнославянской территории — в части диалектов и идиолектов — достигло своего завершения. Запись Наслава, сделанная до 1117 г., а скорее всего, около 1106 г. (см. [Уханова 2006: 21–23]), показывает, к какому времени оно уже началось. Полвека, разделяющие эти даты, соответствуют времени протекания процесса в наиболее продвинутых в данном отношении формах древнерусской речи.

Литература

Гиппиус, Зализняк 1997 — *А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк*. О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования. 1997. М., 1998. С. 540–562.

Гринкова 1924 — *Н. П. Гринкова*. Евгениевская псалтирь как памятник русской письменности XI в. // Известия ОРЯС. Т. 29. 1924. С. 289–306.

Живов 2013 — *В. М. Живов*. Восточнославянское правописание XI–XIII вв. М., 2013.

Жуковская 1983 — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова; Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983.

Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Калугин 1987 — *В. В. Калугин*. Запись Наслава на Мстиславовом евангелии и древнерусская лексика книжного дела // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 111–117.

Карский 1895/1962 — *Е. Ф. Карский*. Особенности письма и языка Мстиславова Евангелия // Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 11–26.

Кривко 2015 — *Р.Н. Кривко*. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М., 2015.

Малкова 1967 — *О.В. Малкова*. Редуцированные гласные в Добриловом евангелии 1164 г. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.

Невоструев 1860 — [*К.И. Невоструев*]. Описание евангелия, писанного для новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII в. // Известия ОРЯС. 1860. Т. 9. Вып. 2. С. 65–80.

Невоструев 1997 — *К.И. Невоструев*. Исследование о Евангелии, писанном для Новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII в., в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века // Мстиславово Евангелие XII века: исследования. М., 1997. С. 5–649.

Николаев 1996 — *С.Л. Николаев*. Histoire d'O // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 203–242.

ПБИПВ 1 — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887.

Пичхадзе 2003 — *А.А. Пичхадзе*. Финифть // Новое в русской этимологии. I. М., 2003. С. 252–253.

Попов 1982 — *М.Б. Попов*. Некоторые вопросы относительной хронологии изменения редуцированных гласных в древнерусском языке // Проблемы комплексного анализа языка и речи. Л., 1982. С. 22–28.

Попов 2004 — *М.Б. Попов*. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004.

ПСРЛ 2 — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

СК XI–XIII — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Срезневский I–III — *И.И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1912.

СРЯ XI–XVII 1–29 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.

Уханова 2006 — *Е.В. Уханова*. К вопросу о месте Мстиславова евангелия в культуре Древней Руси конца XI — начала XII в. // Palaeoslavica. Vol. 14. Cambridge (Mass.), 2006. С. 5–40.

Федорова 2015 — *М.А. Федорова*. Орфография Мстиславова евангелия и проблема узкой датировки памятников раннедревнерусского периода // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Вып. 2. 2015. С. 164–176.

Филимонов 1861 — *Г. [Д.] Филимонов*. Оклад Мстиславова евангелия. Разбор древнейших финифтей в России. М., 1861.

Хабургаев 1976 — *Г.А. Хабургаев*. Еще раз о хронологии падения редуцированных в древнерусском языке (в связи с вопросом о соотношении книжно-письменной и диалектной речи) // Лингвистическая география, диалектология и история русского языка. Ереван, 1976. С. 397–406.

Alexey A. Gippius

*National Research University Higher School of Economics /
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

KHIMIPETŬ OF THE MSTISLAV GOSPELS AND THE JER-SHIFT

A Greek loan-word *химипетъ* occurs in the colophon written by the scribe Naslav in the *Mstislav Gospels* (1103–1117) and denotes byzantine enamels manufactured in Constantinople for the precious cover of the codex. As it is generally recognized, the word renders Gr. *χρυσευτόν*. What needs explanation however is the vowel *e* inserted on the East Slavic ground. A vowel-zero alternation attested by Instr. sg. *хинитомъ* in the Hypatian Chronicle leads to an older *химиньтъ*, but vocalization of a strong jer' seems to be out of time in an early twelfth century manuscript. Surprisingly, it comes out that in the very colophon of Naslav itself this example is accompanied by four more cases of vocalization of strong jers. In an original East Slavic text this pattern can hardly be explained by the scribe's adherence to an artificial South Slavic orthography. *Химипетъ* is particularly demonstrative in this respect since the word was definitely borrowed orally and is could not be found in any Old Church Slavic text. Naslav's colophon appears thus to contain the earliest attestation of systematic vocalization of strong jers in Early East Slavic.

Keywords: Mstislav Gospels, Early East Slavic, orthography, phonetics, jer-shift.